

УДК 338.2:316.006

© Г. Э. Говорухин, И. Ф. Ярулин, 2009

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ И ИСТОРИЯ УТРАТЫ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Говорухин Г. Э. – канд. филос. наук, доц. декан факультета «История и юриспруденция», тел.: (4217) 54-11-04, e-mail: mail@amgpgu.kms.ru (ФГОУ ВПО АмГПГУ); *Ярулин И. Ф.* – д-р полит. наук, проф. завкафедрой «Социология, политология и социальная работа», тел.: (4212) 72-36-21 (ТОГУ)

В настоящей статье авторами рассматривается вопрос об освоении пространства Дальнего Востока. Осуществляется попытка проанализировать существенные причины запустения региона. Лейтмотивом такого запустения, по мнению авторов, становится эклектичная система освоения территории региона, а также особые условия его заселения.

The article is devoted to the study of the Far East development. The authors try to analyze the essential reasons for desolation of the region. The most important of them is an eclectic system of development of the regional territory, as well as special conditions of its settlement.

Ключевые слова: фронт, моноцентричность, сегрегация, коммуницирование.

История российского Дальнего Востока – это история формирования фронта государства на его восточных рубежах. Объективными условиями освоения Дальневосточного пространства в этом случае становится политическая система, приводящая в движение все механизмы заселения территории. Мотивы этой системы, ее предпосылки оказываются четко привязанными к историческим реалиям времени, смена которых приводит к трансформации отношения государства к фронту и изменению структуры организации этого фронта. Принимая во внимание законы исторической целесообразности тех или иных государственных решений, в том числе и решения освоения территории Дальнего Востока, необходимо определить, что значит сегодня для России эта территория и насколько эта территория действительно российская объективно.

Пространство Дальнего Востока, о котором идет речь, рассматривается как объект исследования. Освоение пространства – это процесс заселения и

«обживания» [4] территории, принадлежащей либо одному государству, либо нейтральной территории, т. е. не принадлежащей ни одному из государств. Формально – это процесс естественного окультуривания физического (географического) пространства [9]. Содержательно – это процесс социальной (и даже глубже – символической) [3] организации коммуникативного взаимодействия территорий внутри или вне политической системы.

«Разбивка» процесса освоения пространства в координатах формальной логики на формальное и содержательное совпадает с выбором критериев оценки результата освоения. Главным показателем формального освоения становятся, например, сооружения, воздвигнутые на той или иной территории или обработка земли и разведение скота на этой же территории. С оценкой формального освоения чаще всего нет никаких проблем. Именно таким формальным критерием руководствуется государство, принимая во внимание принципы хозяйственного и юридического управления территорией. С содержательным освоением пространства дело обстоит сложнее. Критерием содержательности становится интенсивность взаимодействия людей на данной территории, что замерить труднее. В шкалу замера будет входить количество народонаселения на квадратный километр – плотность расселения людей, а также транспортные развязки, делающие доступными районы осваиваемого пространства.

Проблема освоения пространства и проблема заселения территории поднимается с отчаянной настойчивостью как раз в тот момент, когда обществу требуется осмыслить причины слабой хозяйственной активности государства. Постановка этой проблемы идет рука об руку с оценкой хозяйственной перспективности территорий государства, а именно: развитие государства зависит от равномерности развития всех территорий, входящих в его границы. Как итог: проанализировав пути развития этих территорий, можно вывести общую характеристику всего государства.

Эта классика редуccionизма становится основанием для понимания всех сложных как политических, так и социальных процессов. Однако анализ территории такого, прямо скажем, нетипичного государства, как Россия, не дает гарантии того, что эти территории могут быть вообще оценены в рамках одной политической системы. Эти территории, а главное, условия их освоения, развития и использования кардинально различны. Как подтверждение этой различности – высказанная Д. Н. Замятиным [6] гипотеза о различных исторических моделях управления территориями России на протяжении всего периода новой и новейшей истории. Отсюда проблемная ситуация такова: Россия включает в свою орбиту столь несхожие территории, что попытка уравнивания их (территорий) с целью создания единой системы социально-экономического управления приводит Россию к гибели. Сама же проблема должна быть скорректирована. Пространство России не просто огромно. Оно по своей политической и экономической природе неоднородно. В этой неод-

народности заключен успех поиска резервных фондов борьбы с экономическими кризисами в самом государстве и за его пределами.

Сегодня становится совершенно понятным междисциплинарный интерес исследователей к различным оценкам пространства. Речь идет и о географическом, и о смысловом пространстве, текстуальном и психологическом пространстве человека и пр. Похоже, что проблема пространства как формы события вещей и явлений становится заманчивой для всех наук. В этой связи, если отбросить в сторону желание ангажировать «раскрученное» различными исследователями понятие, необходимо само понятие «пространство» (даже физическое) рассматривать с позиции различных его составляющих. Причина проста: предмет исследования должен быть проанализирован со всех возможных сторон. Тем более что эти стороны уже определены.

К сожалению, в рамках статьи полноценно осуществить эту задачу без того, чтобы не превратить исследование в эклектику, практически невозможно. Однако не сказать о необходимости такого всеобъемлющего исследования также нельзя. Подобное всестороннее исследование поможет объемно рассмотреть вопрос, но это задача будущего, причем недалекого. Уже сегодня появилось большое количество исследований такого плана [11].

Решение заявленной нами выше проблемы может быть сформулировано в трех тезисах.

Тезис первый. Освоение пространства осуществляется в условиях отраслевого охвата территории региона. При освоении территории работают центростремительные силы, аккумулирующие население (как и его активную хозяйственную деятельность) вокруг крупных населенных пунктов. Обращает на себя внимание тенденция: чем ближе к крупному центру, тем выше плотность населения.

Возникновение административных центров на Дальнем Востоке имеет те же самые законы. Появление административных центров приводит к аккумуляции населения и привязке экономики Дальневосточного региона к настоящим центрам. Это можно проследить, например, по двум учетным годам (1927–1928 и 1928–1929) в динамике численности работающего населения на предприятиях, находящихся в тех или иных дальневосточных центрах. Выбор именно этих периодов обусловлен тем, что это наиболее типичные периоды заселения советского Дальнего Востока. Строго говоря, именно по такой схеме, о которой речь пойдет ниже, развивался регион в наиболее благоприятные периоды своего становления.

Одним из самых крупных промышленных центров в 1927–1928 гг. был Шкотовский район – 2513 человек в 1927 г. и 2498 человек в 1928 г. при общем количестве предприятий 5 и 2; Сучанский район – 3291 и 3516 человек при общем количестве предприятий в 1927–1928, 1928–1929 гг. – 2; Ольгинский р-н – 1253 и 1403 чел. В Хабаровске насчитывалось всего 20 предприятий в 1927–1928 гг. и 1928–29 гг. – 9, людей, работающих на них, было 1290 и 1385

соответственно. В Благовещенске в те же расчетные годы было 23 и 30 предприятий с общей численностью населения 1871 и 2271 человек. Общее количество ценовых предприятий на Дальнем Востоке без учета Камчатки и Сахалина в 1927–1928 гг. было 189, а в 1928–29 гг. – 186, среднее число занятого на них населения в 1927–28 гг. – 20595 и в 1928–29 гг. – 23701 [8].

Отметим, что общая численность городского населения Дальнего Востока на 1 января 1928 г. составляла 1354, 2 тыс., горожан – 372,7 тыс.; на 1 января 1929 г. – 1443,5 тыс., горожан – 390,1 тыс.; на 1 января 1930 г. – 1478,9, горожан – 413,6 тыс. чел. Общее число населенных пунктов (по данным переписи 1926 г.) – всего 5189, из них численностью до 19 человек – 1962; от 20 до 499 человек – 2600; от 500 до 990 человек – 327; от 1000 и более человек – 161 [7]. Аккумуляция населения происходит только в тех районах, которые используются в качестве отраслевых центров. Формирование таких центров в советское время меняет саму структуру ведения хозяйственной деятельности региона, как, впрочем, и всей страны в целом. На смену земледельческой России приходит Россия индустриальная, но принцип жесткого отраслевого хозяйствования сохраняется.

Сосредоточение основной массы населения происходит в районах, максимально ориентированных на государственный заказ. Формально на отдаленных от центра территориях наибольшее значение имеют поселения с активным работающим населением. Именно такие поселения или такие районы, включающие в себя значимые ценовые предприятия, становятся важными промышленными и административными центрами Дальнего Востока. В этой связи в районах на территории таких центров (в указанный период самым крупным из них был Владивосток) мы и отмечаем наличие крупных ценовых предприятий.

Большая часть таких районов, ориентированных на поддержание только одной определенной сферы экономического или социального направления центра, рассматривается как узкоотраслевая. Они используются лишь в этом одном направлении. Подобное использование этих районов делает их экономически и социально моноцентрическими, т. е. ориентированными на одно предприятие, необходимое для обеспечения конкретного города – экономического центра района.

Экономический центр района (районного поселения) в советские годы, а если смотреть шире, и в досоветский период, также был сфокусирован на конкретном добывающем предприятии. Как следствие, доминирующей производственной группой становятся работники данного предприятия. Отсюда последующее закрытие предприятий в таких поселениях (что происходило в 90-х гг. XX в.) приводило к тому, что большая часть населения не имела возможности социально, а главное – производственно, переориентироваться. В то время как административный центр Владивосток представляет собой город «широкого профиля» в социальном и экономическом плане, что делает его стабильным и жизнеспособным в условиях «разрухи» 1990-х годов.

Наиболее самостоятельными экономическими и административными центрами территории Дальнего Востока становятся города, находящиеся на максимальном удалении от Владивостока и не втянутые в орбиту его непосредственных интересов. Это города Хабаровск, Благовещенск, Николаевск, Советская Гавань и др. Они являются самостоятельными центрами «колониальной» политики правительства в своих районах.

В этой связи процесс коммуникации дифференцирован на всей территории региона. Тем не менее, можно отметить и некоторые его закономерности. Это коммуницирование и интенсивное функциональное взаимодействие в центре региона, слабое отраслевое взаимодействие (по принципу определенного функционала) в районах, примыкающих к центру, и относительно стабильное, но менее развитое взаимодействие населения относительно независимых от центра районов. Процентное отношение территорий, на которых сохранялось и реализовывалось полноценное «становление основ государственности России» с созданием промышленных или сельскохозяйственных видов деятельности было ничтожно мало. Такие территории чаще всего были зависимы от государственной конъюнктуры, обеспечивающей загруженность немногих предприятий территории, но главное – эти территории по-прежнему окружали пространства, которые были далеки от заселения.

Тезис второй. В самом освоении пространства скрыты механизмы его потери. Явление освоения пространства, которое характерно только для советского периода, связано с организацией городского пространства советского города. Особенностью советского города становится его организация и строительство вокруг промышленных предприятий. Собственно появление города было естественным явлением, вызванным необходимостью обслуживания заводов, фабрик, шахт и т. д. Город рос вокруг очередных производственных объектов. В этой связи появление города было вторичным, первичным всегда оказывалось строительство самих предприятий. По такому принципу строились все советские города, многие из которых, например, города Амурск, Артем, Арсеньев и так далее с численностью до 100 тыс. человек, становились моноцентрическими (см. выше), где единым центром оказывалось то единственное предприятие, вокруг которого и разрасталось городское поселение. Города свыше 100 тыс. человек чаще всего содержат несколько предприятий и, как следствие, несколько формальных градообразующих центров. К таким городам относится Комсомольск-на-Амуре.

Первоначальная сегрегация населения такого города осуществлялась не по принципу социальной дифференциации, что было бы типичным для «старых» городов, а вследствие профессионально-производственного расселения. В «старых» городах промышленные предприятия являлись частью окраинных или, по крайней мере, не центральных (градообразующих) частей, и поэтому расширение города вокруг этих предприятий было затруднительным.

В советских городах появляются новые принципы организации пространства. Эти принципы были привязаны к главным сегрегационным условиям организации города. Один из них четко обозначил еще в 1932 г. А. Х. Зильберталь – это принцип концентрации населения вокруг места работы. Данный принцип выводится из положения города как места жительства трудящихся. Здесь следует акцентировать внимание на слове «трудящиеся». Город – это агломерация трудового населения страны, основным видом деятельности которого (населения) становится сфера промышленного производства. Собственно, такая оценка города приводит к формированию приоритетных критериев выделения основ городского пространства. Отсюда появляются поселки, в которых жили рабочие определенных заводов и фабрик. Впоследствии такое локальное «профессиональное» расселение стирается, однако структура организации физического пространства города к этому моменту уже четко обозначена и не претерпевает существенного изменения. В этой связи коммуницирование населения в рамках такого городского пространства осуществляется преимущественно в направлении производственных предприятий. В свою очередь исчезновение этих предприятий приводит к разрушению маршрутов коммуникации, сети инфраструктуры (по пути маршрутных трасс) и прочее, а как следствие – оттоку населения из таких городских районов [1]. Более стабильными оказываются города старой застройки.

Закладка новых городов по производственному принципу позволяет, по крайней мере гипотетически, снизить затраты на строительство транспортных развязок, а значит, искусственно определить и сегрегацию населения в селитебных районах города. При таком развитии города «служащие предприятий и учреждений распределяются пропорционально общему числу работающих в соответствующих местах труда» [10]. Как следствие, проектируется «зависимость (распределения населения) от удаленности мест труда» [10]. Настоящая гипотеза выводится из принципов интенсификации труда и оптимизации всего рабочего процесса и становится теоретическим обоснованием организации пространства еще с 20-х годов, т. е. до начала строительства новых городов.

В результате изменения государственной системы хозяйствования такие советские города оказываются в капкане собственной организации и труднее адаптируются к новым не только экономическим, но и социальным явлениям. Больше того, изменение принципов государства, приводящее к изменению в основе целесообразного заселения города, требует перестройки городского пространства. Такая перестройка позволила бы реорганизовать город под новые задачи современной экономики, где наиболее заселенными районами должны стать как раз районы за пределами промышленных зон. В современных условиях такая перестройка города весьма дорогое удовольствие, что приводит к продолжающемуся оттоку населения. Этот отток, видимо, оста-

новит только отсутствие денег у людей и естественному ограничению, а в связи с этим их передвижения.

Нельзя забывать, что исходным условием заселения Дальнего Востока в советское время было заселение промышленных центров, т. е. городов. Отток жителей из городов – это процесс опустошения и без того незначительных по численности населения территорий региона.

Тезис третий. Единого освоенного пространства Дальневосточного региона попросту не существует. Территория Дальнего Востока – это не пространство, которое Россия теряет. Это пространство, которое Россия, в строгом смысле слова, и не приобрела. На этой территории так и не сложилась система полноценного единого взаимодействия населения, а значит, не может быть создан и единый принцип управления и развития Дальнего Востока. Заселение региона осуществлялось по принципу челночной миграции [2], вахтового метода. Основой данного процесса было втягивание в орбиту экономических задач государства в этом регионе наибольшего числа людей, не прижившихся в силу определенных причин на своих собственных территориях. Эти, по своей сути, маргинальные группы за редким исключением не сумели создать за время своей «вахты» нормальную систему взаимодействия друг с другом [5].

Процесс освоения территории Дальнего Востока это процесс, который продолжается в границах нескольких эпох, переживаемых Россией. В этом заключается уникальность этого процесса, и в этом же его очевидная проигрышность. Смена социальных, экономических и политических условий привела к тому, что в рамках той или иной стратегической парадигмы эта территория так и не сумела сформироваться. Российский Дальний Восток не сформировался русским, потому и не сумел адаптироваться к условиям современности. В итоге это становление эклектично по своей сути и нежизнеспособно. Элементы эклектичной инфраструктуры этой территории сегодня конфликтуют друг с другом, приводя к гибели весь регион.

Библиографические ссылки

1. Берлинер Дж. Советское прошлое и российская экономическая трансформация // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004.
2. Бляхер Л. Е., Левков С. А. Концептуальные основания региональной социальной политики. Хабаровск, 2005.
3. Говорухин Г. Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона. Комсомольск-на-Амуре, 2007.
4. Говорухин Г. Э. Власть политики. Власть пространства (принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке). Комсомольск-на-Амуре, 2008.

5. *Говорухин Г. Э.* Пространственная лакунарность: социально-философский аспект // Преподаватель XXI век. 2007. № 2.
6. *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.
7. *Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина).* Хабаровск, 1931.
8. *Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-ое января 1925 г.* М., 1925.
9. *Филиппов А. Ф.* Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы. [Ресурсы Интернет] Режим доступа: 25.03.2005, http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html#_ftnref1
10. *Хауке М. О.* Расселение в городе. Основные закономерности и метод расчета. М., 1965.
11. *Ярулин И. Ф.* Россия XXI века: эра новых регионов? // Пространственная экономика. 2005. № 3.
12. *Говорухин Г. Э., Осипов Г. Р.* Недоосвоенные территории освоенного пространства // Вестник ТОГУ. 2007. № 2 (5).